

Чжан Шу уснул, терзаемый самобичеванием. Ему снились разные сны, где прошлое и настоящее переплетались в единый узор, и в каждом эпизоде его обижали.

Возможно, лишь со стороны можно было по-настоящему понять, насколько он был труслив. В таком ракурсе он казался себе мышью, прячущейся в бездонной пещере — боязливой, жалкой и раздражающей, настолько, что самому ему хотелось себя отлупить.

Когда Чжан Шу проснулся, на улице уже совсем рассвело. Кто, кроме его родных, позволил бы такому большому парню спать до белого света?

Он умылся, вышел из комнаты и, зачерпнув воды из колодца, прополоскал рот и умылся. Затем он направился на кухню. На столе под накрытой корзиной лежала еда: две пшеничные булочки и миска соленья.

Съев булочки с соленьем, он помыл миску, взял серп и отправился в поле.

Был конец июня, солнце висело на небе, слепя глаза. Хотя было еще утро, жара уже стояла немалая.

Он шел минут пятнадцать, прежде чем увидел на своем поле дедушку с бабушкой, которые косили пшеницу. Не говоря ни слова, он зашел в поле, опустил голову и принялся срезать стебли с шумным шелестом.

Дедушка с бабушкой были в годах, так что прошло немало времени, прежде чем они заметили, что на поле появился еще один работник.

— Шу, иди домой, мы справимся сами, у нас земли меньше, чем у других. Иди погуляй, — бабушка Чжан вытерла пот, похлопала себя по пояснице и ласково добавила.

Но Чжан Шу, в отличие от прежних времен, не бросил работу и не побежал играть, услышав такие слова. Он продолжал косить пшеницу и ответил:

— Дедушка, бабушка, я уже взрослый. Через пару лет жениться надо, а если сейчас не работать, потом жену не найти.

Бабушка Чжан засмеялась:

— Наш Ашу уже о жене задумался? Помню, твой отец в твои годы стеснялся, будто девка, твою мать видел — голоса не подавал. Она вздохнула, в голосе послышалась грусть. — Наш Ашу вырос!

Чжан Шу подумал: а как же не вырасти? Ему потребовалось шестьдесят лет, чтобы вырасти...

Чжан Шу уже точно знал, что ему сейчас восемнадцать, до дня рождения осталось три месяца.

Значит, маленькому Муцзиню сейчас около семнадцати, его день рождения был весной и уже прошел.

Похоже, до того, как в его семье случится беда, осталось всего два-три месяца. Прошло слишком много времени, он помнил только, что это произошло летом или осенью того года, но точную дату назвать не мог.

Пшеницу уже полностью собрали, так что в ближайшие дни в поле работы не было. Чжан Шу подумал и решил съездить в уездный город, посмотреть, не нужны ли там люди на короткий

срок. Ему тоже надо было начинать копить деньги, нельзя же вечно полагаться на дедушку с бабушкой.

Когда он озвучил свой план, старики не возразили. Они тоже заметили, что в последнее время Чжан Шу будто повзрослел. Но поставили условие: идти одному нельзя. Нужно дождаться, когда сосед Лайван закончит уборку своей пшеницы, и отправиться с ним — у него есть опыт.

Не думайте, что для подработки опыт не нужен. Обычно на такие работы, на день-два, охотнее берут знакомых лиц, а чужаков даже и платить станут меньше.

Чжан Шу кивнул. Лайван уже женился, он был старше Чжан Шу лет на пять-шесть. Люди этого возраста особо не обижали его, так что он не был против поехать вместе.

Вспомнив, что после той встречи на холме он больше не видел Муцзиня, он сильно заскучал по другу. Поэтому он сунул в карман вареное яйцо, которое дала бабушка, и тихонько отправился к дому Муцзиня.

Свой дом находился в центре деревни, а дом Муцзиня — на самой окраине, у подножия горы. Расстояние было не слишком большим, взрослый парень шел минут пятнадцать.

Он спешил к дому Муцзиня, но, проходя мимо одного двора, за домом был остановлен двумя людьми. За домом раскинулся густой бамбуковый чаща, а само место было самым глухим в деревне. Чжан Шу огляделся по сторонам — пути к бегству не было. В душе поселилось отчаяние.

Перегородившими ему дорогу оказались Ван Чанфа и Чжу Дабао. Они были закадычными друзьями и известной в деревне парой хулиганов.

Ван Чанфа не мог переварить обиду: в тот день на склоне он был застигнут врасплох и получил от этого слабака пинок. Не успел он как следует отругаться, а тот убежал. Ван Чанфа тогда решил, что раз никто не видел, можно и пропустить.

Кто бы мог подумать, что Чжан Шу проболтается? Бабушка Чжан Шу в последние дни, болтая с соседками, случайно выдала это, и в её словах звучала гордость за внука, который осмелился дать отпор.

Ван Чанфа потерял лицо, и теперь вся деревня знала, что он получил от Чжан Шу. Если он проглотит это, то сможет ли он и дальше быть главой банды в деревне Шуйтоу?

— Ну ты, парень, даешь! — Ван Чанфа медленно подошел и хлопнул его по щеке. В жесте читалось явное пренебрежение.

Однако он был ниже Чжан Шу ростом, поэтому выглядело это довольно нелепо. Чжан Шу стоял неподвижно, словно дерево, позволяя ему делать что угодно.

— Молчишь? А пару дней назад твоя бабушка всем рассказывала, как ты меня дрался, очень даже складно рассказывала. Это ты ей научил? — В треугольных глазах Ван Чанфа сверкнул злобный огонь. Видимо, это происшествие всё ещё злило его.

Чжан Шу продолжал хранить молчание.

Лицо Чжу Дабао, все в жировых складках, затряслось:

— Афа, не разговаривай с ним, просто прихлопни. Он был пониже ростом, но тем не менее вцепился Чжан Шу в воротник, напоминая свинью, подвешенную на дерево.

— Слушай сюда, сопляк. Если вздумаешь рассказать своей бабушке и пожалуешься к нам домой, я буду тебя избивать каждый раз, как увижу.

Чжу Дабао первым нанес удар кулаком в корпус, а следом за ним в дело вступил Ван Чанфа. Кулаки посыпались на Чжан Шу, как град.

Чжан Шу обнаружил, что все еще боится. С одним он мог бы как-то справиться, но с двоими? Не стоило и пытаться. Лучше пережить это сейчас, а потом отомстить.

Он беззвучно лежал на земле, позволяя им себя бить.

— Эй, глянь, что у него в руках? — Чжу Дабао оказался зорким, заметив белую скорлупу, выглядывающую из его пальцев.

— О, яйцо. Ты, размазня, еще и так хорошо питается? И зачем тебе это добро? — Ван Чанфа нагнулся, пытаясь выковырнуть яйцо из его руки.

Чжан Шу замер, сжав ладонь еще крепче. Это было для маленького Муцзиня, он не мог отдать им!

Ван Чанфа не смог забрать яйцо и велел Чжу Дабао прижать его, а сам начал с силой разжимать пальцы Чжан Шу.

Чжан Шу изо всех сил сопротивлялся. Ван Чанфа вспылил, поднял ногу и наступил на его руку:

— Я сказал, отдай! Не достанется мне — не достанется и тебе!

Его кулак со сжатым яйцом был вдавлен в землю, острые камни порезали кожу. Было больно, но он привык. Больше всего Чжан Шу убивало то, что яйцо раздавилось.

Белок и желток выдавились наружу, смешавшись с грязью на его руке — зрелище было противным. Глаза Чжан Шу налились кровью, и душившая его несправедливость вырвалась наружу.

За что! Почему все обижают именно него? Что он сделал не так? Он никому не делал зла, ни с кем не ссорился, но все равно его травили!

Неужели Небеса действительно слепы? Добрые люди не живут долго, а хулиганы век живут!

Он рывкнул, рванул руку, встал, швырнул раздавленное яйцо на землю и с размаху пнул Ван Чанфа.

Ван Чанфа рухнул на спину и не успел прийти в себя, как на него обрушился град ударов. Чжан Шу одной рукой вцепился ему в воротник, другой молотил по лицу.

Ван Чанфа нащупал камень и с силой ударил им по голове Чжан Шу, но тот словно не чувствовал боли, не разжимая захвата.

Чжу Дабао был удивлен, что Чжан Шу так легко скинул его. Очнувшись от оцепенения, он увидел, что Ван Чанфа лежит на земле, а Чжан Шу методично избивает его. Он бросился оттаскивать Чжан Шу, но тот словно стал каменным: рука механически наносила удары, а

глаза, налитые кровью, смотрели пусто — будто рассудок помутился.

Чжу Дабао набросился сзади, удушил его шею руками и потащил назад, нанося удары по телу, но не мог оторвать от Ван Чанфа. Неизвестно, куда он попал, но Чжан Шу вдруг резко обернулся, его багровые глаза смотрели на Чжу Дабао с невыносимой яростью.

Чжу Дабао в ужасе отшатнулся назад. Голова Чжан Шу была кровавой, кровь текла по щеке, а само лицо в тот момент напоминало демона, вырвавшегося из преисподней.

<http://bllate.org/book/16721/1537239>